

Прежде чем начать Робаут глубоко вздохнул. — Мне присвоили офицерское звание Флота, и я стал младшим лейтенантом на борту фрегата, который патрулировал западные пределы Ультрамара. “Инвигилам” из Кар Дуниаш. Хороший корабль, надёжный, он оберегал нас, а мы его. Я прослужил на его борту почти пять лет, уверенно получая всё новые повышения, пока не стал офицером на мостике.

— Предположу, что вы участвовали в боях? — спросил Андерс.

— Дважды. Первый раз против оравы зеленокожих посудин, которые вторглись в систему с северных границ. Нам не пришлось предпринимать ничего особенного, с нами был “Доминатор” “Ультима Претор” и его “Нова” крепко потрепала ксеносов, прежде чем они даже приблизились к нам. Затем мы оказались среди них и меньше чем за час бортовые залпы “Претора” и наши торпеды разорвали орочьи развалюхи в клочья, заставив наглотаться вакуума.

— У меня такое чувство, что второй ваш бой не оказался столь лёгким, — предположил Андерс.

— Нет, не оказался, — согласился Робаут. — Флот тау глубоко вгрызся в имперское пространство на дальней границе Аркадийских окраинных миров, и мы отправились выдворить их. Они не предпринимали никаких открытых агрессивных действий, просто бряцали оружием, но оперативные сводки свидетельствовали, что такое поведение типично для тау перед началом кампаний расширения. Мы стали демонстрацией силы, напоминанием, что это наш космос, а не их. И чтобы не осталось никаких сомнений с верфей Калта прибыл “Синий Лихтер”, ударный крейсер второй роты Ультрадесанта.

— И что же произошло? — спросил Андерс. — Мы на собственном опыте знаем, как умеют сражаться тау.

— Мы продолжали вытеснять их, всего лишь играя в удары и ложные манёвры. Космические десантники стремились навязать бой, но ксеносы всё время отступали, рассредоточиваясь и перегруппировываясь. Создавалось впечатление, что они не хотели сражаться, но при этом и не хотели слишком далеко от нас оторваться.

— Они заманивали вас, — сказал Дахан.

— Так и оказалось, да. Право командования автоматически досталось капитану Ультрадесанта, а он рвался в бой. В конечном счёте, мы оттеснили корабли тау в зону гиперплотных полей газа со скоплениями обломков и потоками выброшенного вещества из древней сверхновой звезды. Мы думали, что загнали их в угол, но попали в засаду. В электромагнитном тумане скрывалась пара боевых сфер, которые мы не заметили. Они крепко ударили по нам, действительно крепко и заняли едва ли не каждый клочок пустоты вокруг нас. “Синий Лихтер” получил несколько тяжёлых попаданий, но это похоже не слишком волновало его, досталось и “Претору”. Флот тау развернулся и хлынул на нас, подобно рассерженным зеленовато-жёлтым осам.

— Они повредили нас, но забыли первое правило засады: ударить изо всей силы и быстро, а затем убираться к чёрту. Корабли Флота старые, но они крепкие и могут выдержать многое, прежде чем придётся выходить из боя. Тау решили, что разбили нас и усилили натиск, когда следовало отступить. “Синий Лихтер” повернулся и снёс огнём два корабля, не дав им приблизиться, а затем занялся сфероидами.

— Не стоит недооценивать фактор боевой эффективности ударного крейсера космического десанта, — произнёс Кул Гилад.

— Вы не ошиблись, — согласился Робаут. — Он выпотрошил боевые сферы. Они оказались неспособны быстро маневрировать и Ультрадесантники яростно атаковали их, выбив огромные куски надстроек из бомбардировочной пушки, а затем выпуская залп за залпом из бортовых орудий. Не самое приятно зрелище и когда крейсера тау вступили в ближний бой, мы показали им что требуется больше чем неожиданный удар из засады, чтобы вывести из строя имперские корабли. Сражение шло хаотично и грязно, но мы поставили ксеносов на место и когда “Синий Лихтер” атаковал всё было кончено.

— Достойный бой, — сказал Дахан. — Я только что загрузил данные из манифольда. Вы забыли упомянуть, что заслужили множество благодарностей, капитан Сюркуф. Вы получили Сердце Бакки за ранение и капитан “Инвигилама” направил представление о награждении вас лавром Флота, звездой Махария и рекомендовал при первой же возможности повысить до командной должности.

— Капитан Кибел был хорошим человеком, — ответил Робаут. — Он не хотел потерять меня, но знал, что я не успокоюсь, пока не получу собственный корабль.

— Корабли не принадлежат капитанам, — поправил магос Сайиксек, тёмно-красная мантия магистра двигателей колыхалась от расходящегося холодного воздуха.

— Прошу прощения, магос, это — фигура речи, — сказал Робаут.

— И так вы получили командную должность? — спросил полковник Андерс.

— Нет, но меня повысили до старшего офицера на борту “Наставника”, крейсера типа “Готик”, заложенного на орбитах станции Гатара две тысячи лет назад. Он был приписан к линейному флоту Тартара и капитан Миндар... что ж если говорить прямо, то он получил звание капитана благодаря удаче, связям и беззастенчивой протекции вышестоящего родственника.

— В ордене космических десантников такое совершенно невозможно, — сказал Кул Гилад, словно кто-то посмел бы возразить ему. — Только уровень подготовки определяет, кто будет командовать.

— В манифольде “Наставник” отмечен, как безвозвратно потерянный, — заметил магос Дахан.
— Данный факт подтверждён записями Флота и соответствует отчётам Адептус Механикус.

Как получилось, что вы остались в живых?

— Да, “Наставник” был безвозвратно потерян и я находился на его борту в этот момент.

— Как такое могло случиться? — спросила Линья.

— Дело в том, что капитан Миндар оказался высокомерным дураком, который почти ничего не знал о космической войне. Он происходил из старой семьи Скаров, которая направляла всех сыновей на Флот, и считал, что этого вполне достаточно, чтобы принять командование военным кораблём.

— И что же произошло? — спросил Андерс.

В обеденном зале воцарилась тишина, все офицеры и магосы внимательно слушали рассказ Робаута. Помещение словно стало меньше, и появилось растущее чувство клаустрофобии, пока он вспоминал последний полёт “Наставника”. Робаут глубоко вздохнул и подумал об астронавигационном компасе в своей каюте и обречённых попытках стрелки найти азимут.

— Мы отслеживали пиратский флот, который использовал пояс астероидов рифа Калигари для налёта на конвои, следующие через точку Мандевиля Овиллард, — начал Робаут. — Команда мостика “Наставника” заслуженно считалась надёжной, и мы пребывали в уверенности, полагая, что даже с Миндаром во главе сможем выдержать всё, что они сумеют выставить против нас, но мы не знали, что пираты действовали не одни. Им помогали.

— Кто помогал? — поинтересовался магос Дахан.

— Вечный враг, — ответил Робаут, ощутив рост агрессии в зале. Каданцы на собственном горьком опыте знали ужасы войны с чудовищными врагами, атаковавшими из Ока Ужаса. Битвы кадианских полков с силами Вечного врага велись не просто ради победы, они стали личным делом. Хотя ни у кого за столом судьба “Наставника” не вызвала сомнений, Робаут чувствовал их желание, чтобы финал рассказа оказался иным.

— Мы никогда не узнали название корабля, который атаковал нас, — наконец произнёс он. — Вокс-офицеры и ауспик-сервиторы погибли в первые мгновения, когда он закричал. Их мозги вспыхнули и взорвались в черепах, прежде чем мы поняли, что произошло. Кроваво-красный адский корабль набросился на нас из укрытия в радиоактивных астероидах и рассеял эскорты бешеным батарейным огнём. В то же время он обстрелял нас из многочисленных ланс-батарей, за считанные минуты сбив большинство щитов.

— И всё же мы могли продолжать сражаться, но Миндар испугался и попытался оторваться от противника вместо того, чтобы защищаться. Несмотря на мои активные возражения он развернул корабль и перенаправил часть энергии с щитов ремонтным бригадам и двигателям. Я пытался звать к его разуму, убедить, что мы должны пробиваться, а не бежать, словно испуганный щенок грокса. Он накричал на меня, назвал мятежником и приказал охране увести

меня с мостика.

— И что вы сделали? — спросил Андерс.

— Охранники собрались арестовать меня, но в этот момент корабль Вечного врага атаковал нас каким-то потоком частиц. Сорвало последние щиты, надстройки засветились, как во время фейерверка. Не знаю, что это было за оружие, но оно прошло прямо сквозь корабль, пробив брешь до нижних палуб. Воздух из половины отсеков для экипажа улетучился в космос, а артиллерийские палубы обезлюдели, прежде чем мы открыли ответный огонь. Обратные повреждения и вторичные взрывы захлестнули мостик, и огненный смерч опустошил все посты. Мне повезло — охранники оградили меня от взрыва, но почти все старшие офицеры превратились немногим больше, чем в обугленные трупы или кричащие бесформенные куски сплавленных костей и пепла. Одни из самых храбрых людей, с которым я служил, погибли, но этот ублюдок Миндар выжил и продолжал вопить, что мы подвели его и произошедшее не его вина. Вы можете в это поверить? Вверенный ему корабль погибал, а он всё ещё искал кого-нибудь, чтобы возложить вину за собственную глупость.

— Эскорты отступили. Они сбежали, увидев, что нас подбили, а когда вслед за адским кораблём появились пираты, я понял, что мы умрём. Воздух вытекал в космос, а те немногие отсеки, где он сохранился, объял огонь. “Наставник” погиб в этом не осталось никаких сомнений, и когда Миндар покинул командную кафедру и завопил, что я должен проводить его к спасательным капсулам... именно тогда я сорвался.

— Сорвался? — спросил Андерс. — О чём вы?

— О том, что я застрелил его, — пояснил Робаут, вызвав изумление слушателей. Даже магосы выглядели потрясёнными.

— Я достал пистолет и снёс его чёртову башку. Он погубил нас и собирался бросить собственный корабль. Я не мог это допустить и разрядил всю силовую ячейку в его труп.

Робаут глубоко вздохнул, вспоминая момент, когда он бросил пистолет на обезображенный лазером труп Миндара. Он не почувствовал ничего: ни праведного восторга, ни удовлетворения от возмездия, только пустоту, которая занозой поселилась в сердце.

— Вы убили своего капитана? — спросил Андерс.

— Да, и, не задумываясь, сделал бы это снова. Его некомпетентность стоила тысяч жизней.

— Значит, он не имел права жить, — сказал Кул Гилад. — Вы правильно поступили, капитан Сюркуф.

— В любом случае это оказалось неважно. Оставалось только ждать, пока Вечный враг доведёт

дело до конца. Мы горели и теряли воздух, но уцелело ещё достаточно элементов корпуса и бортовых систем, чтобы поживиться. Я знал, что это только вопрос времени, когда “Наставник” возьмут на abordаж, поэтому собрал всё огнестрельное оружие, которое смог найти, и ждал врага. Я убил бы столько, сколько смог и оставил бы одну пулю для себя. Я ни за что не позволил бы взять себя в плен. Я ждал на обгоревшем мостике целые часы, но они всё не шли.

— Вы знаете почему?

Робаут покачал головой. — Тогда ещё нет. Большинство ауспиков вышли из строя, и я не спешил включать оставшиеся топографы. Хотя вокс-системы не функционировали, я слышал крики адского корабля. Он кричал несколько дней, но затем замолчал, и я понял, что он ушёл. Возможно, кто-то ещё остался в живых, но я это так и не узнал, всё, что я мог делать — отсрочивать неизбежное. Если бы я покинул мостик, то произошла бы разгерметизация, а температура быстро падала. У меня не было ни еды, ни воды и в отсеке уменьшалось давление, потому что целостность элементов конструкции начала сдавать. Лёд на корпусе мешал воздуху вырваться наружу, но в лучшем случае мне оставалось несколько дней, прежде чем простуда или обезвоживание превратили бы меня в мертвеца. Я подумывал приставить пистолет к голове и быстро со всем покончить, но это не путь Ультрамара. Вы никогда не сдаётесь, никогда не прекращаете бороться и никогда не теряете надежду.

— Безрадостная ситуация, — заметил Виталий Тихон. — Очень интересно узнать, как вы выжили.

— Это просто, меня подобрал другой космический корабль.

— Статистическая вероятность быть спасённым пролетающим мимо кораблём столь маловероятна, что почти равна нулю, — сказал магос Блейлок. — И в любом случае корабль Вечного врага, разумеется, должен был знать обо всех судах, которые находилось поблизости и могли быстро добраться до вас. Почему он не атаковал?

— Он не атаковал, потому что знал, что не сможет победить.

— Как такое возможно?

Робаут глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

— Потому что это был корабль эльдар, — произнёс он.

Слова Робаута встретила потрясённая тишина. Остальные, возможно, ожидали услышать о последней спасательной капсуле, или об одном из эскортов “Наставника”, который вернулся за выжившими, или о каком-нибудь другом счастливом случае, удивительном, но объяснимом. Одним из множества неожиданных поворотов на войне.

Никто не ожидал услышать о вмешательстве ксеносов.

— Корабль эльдар? — прорычал Кул Гилад.

— Да, — ответил Робаут, — военный корабль Алайтока “Игла Иши”. Они давно охотились на адский корабль и приготовились захлопнуть ловушку, когда мы случайно попали в засаду.

— Зачем они решили забрать вас? — спросил Андерс. — Не поймите неправильно, я рад, что вы выжили, но кажется более вероятным, если бы эльдары с радостью наблюдали за вашей смертью.

— Этого я так никогда и не узнал. Не до конца. Я даже почти не помню, как они спасли меня на “Наставнике”, только необычный свет, танцующий, словно маленький вихрь над кафедрой мостика, где я решил умереть. Затем фигура в красной броне с каким-то вытянутым ранцем появилась из света и подняла меня. Следующее, что я помню, как проснулся в мягкой постели, а мои ожоги покрывали бинты и пересаженная кожа.

Кул Гилад подался вперёд и Робаут почувствовал кипящую в нём ненависть.

— Я потерял храбрых воинов из-за эльдар, — произнёс реклюзиарх. — Пять воинов, чьи деяния выгравированы на развалинах Врат Аннапурны, все герои. Чемпион Императора Элий пал на Дантиуме меньше года назад. Свора кричащих убийц забрала его голову, а варп-сука украла сломанный священный клинок.

— Я понимаю вашу скорбь, реклюзиарх, — сказал Робаут. — Я знаю, как больно терять людей под своим командованием. Я потерял целый корабль с людьми, которые зависели от меня.

— Сколько времени вы провели с ксеносами? — спросил Кул Гилад.

— Почти год. Они достаточно хорошо ко мне относились, но я чувствовал, что всего лишь из-за мимолётного любопытства, которое могло быстро наскучить. Я встречался всего с несколькими эльдарами из экипажа: целителями, лечившими мои раны, и парой скульпторов, Ирландриаром и Итандриэлем.

— Скульпторы в экипаже боевого корабля? — явно не веря спросил Кул Гилад.

— Скульптор — лучшая аналогия, которую я могу подобрать, — объяснил Робаут. — Конечно, они создавали скульптуры, но полагаю, что произведения искусства были всего лишь побочным продуктом того, чем они на самом деле занимались на корабле.

— Чем же они занимались? — поинтересовалась Линья.

— Они называли себя певцами кости, думаю, это означало, что они могли ремонтировать повреждённые части корабля или при необходимости создавать новые. Однажды я видел, как они вырастили новую секцию корпуса всего лишь из щепки величиной с ноготь. Это воистину удивительно.

— Очень интересно, — сказал магос Блейлок. — Я давно полагал, что технология эльдар формируется из биоорганического полимера, который в некотором смысле является живым. Их корабли, по сути, выращены, а не построены.

— Ты всегда отличался нездоровым интересом к ксенотеху, Таркис, — сказал Сайиксек, сидевший дальше за столом. — Противоестественным. Ты забыл Девятый закон: технологии ксеносов — искажение Истинного Пути.

— Ты говоришь с упрямым невежеством человека, который принял решение не изучать технологии ксено-рас, — возразил Блейлок. — И ты забыл Шестой закон: понимание — Истинный Путь к Познанию.

— Омниссия не живёт внутри столь богохульных творений. Ты слышал вольного торговца — их технология выращена. Она не создана, у неё нет священного механического анимуса в сердце. Такие ксено-образцы — оскорбление Империума и Бога Машины. Справедливо ненавидимые.

— Скажите мне, — произнёс Кул Гилад, прервав теологический спор между магосами. — Что вы рассказали эльдарам об Империуме?

— Ничего, — ответил Робаут. — Они никогда не спрашивали меня о нём, и, похоже, Империум их совсем не интересует. Я рассказал им о моей жизни в Ультрамаре, красоте Иакса и Эспандора, диких горах и океанах Макрагга. Я рассказал им о праздниках и своих юношеских неудачах, не больше. Если они спасли меня с целью узнать наши тайны, то не сделали ничего, чтобы вывести их у меня.

— По крайней мере, не так, чтобы вы об этом догадались, — сказал реклюзиарх. — Ведьмы эльдар с помощью колдовства могут прочесть мысли человека. Они жестоки и им чужды честь и мораль, к которым мы привыкли. Ради продления своего жалкого существования они желают видеть расу людей марионетками, всего лишь пешками на космической регицидной доске.

Робаут понимал, что это не тот спор, который он может выиграть у космического десантника и сказал, — я могу говорить только о том, что видел, реклюзиарх. Эльдары хорошо относились ко мне, а когда они потеряли ко мне интерес, то высадили на планете в системе Коалит рядом с имперским городом. Остальное, как говорится, дело прошлого.

Конечно, только этим его история не ограничивалась, но существуют пределы для откровенности в подобной компании. Поэтому пока не стоило рассказывать подробности пути Робаута от беженца до вольного торговца, слишком многие из присутствующих не одобряют, не поймут или не смирятся с его последующими действиями.

И если Котов узнает хотя бы половину, то у него ещё оставалось время вышвырнуть Робаута и его экипаж со “Сперанцы”.

Робаут понимал, что это не тот спор, который он может выиграть у космического десантника и сказал, — я могу говорить только о том, что видел, реклюзиарх. Эльдары хорошо относились ко мне, а когда они потеряли ко мне интерес, то высадили на планете в системе Коалит рядом с имперским городом. Остальное, как говорится, дело прошлого.

Конечно, только этим его история не ограничивалась, но существуют пределы для откровенности в подобной компании. Поэтому пока не стоило рассказывать подробности пути Робаута от беженца до вольного торговца, слишком многие из присутствующих не одобряют, не поймут или не смирятся с его последующими действиями.

И если Котов узнает хотя бы половину, то у него ещё оставалось время вышвырнуть Робаута и его экипаж со “Сперанцы”.

— Хорошо, — сказал он. — Что на десерт?

Последнее блюдо оказалось сахарной выпечкой и фруктами с мягкой мякотью и розовой серединой. Робаут перестал быть в центре внимания, теперь оно переключилось, как снайпер, на более важные цели. Возникли отдельные разговоры: магосы обсуждали достоинства и опасности изучения ксено-технологий, а кадианцы обменивались историями былых сражений и пустыми догадками о том каких врагов они могут встретить за Шрамом Ореола. Космические десантники отклонялись, прежде чем был подан десерт, и Робаут обратил внимание, что и к прошлым блюдам они почти не притронулись.

— Им не понравилась еда? — спросил он.

— Думаю, что этот обед по своим питательным свойствам бесполезен для них, — пояснила Линья. — Калорийность и масса к соотношению энергии мяса и заменителей белка делает его почти незаметным для их пищеварительных систем. Это, как если бы ты съел салфетку и хотел насытиться. Еда космических десантников обязательно содержит высокопитательные вещества, аминокислоты и сложные ферменты, чтобы поддерживать разнообразие биологической конструкции их организмов. Было бы достаточно неблагоразумно объедаться, когда твоё тело может спровоцировать рвотную реакцию.

— Не совсем понял, что это значит, но звучит не слишком приятно.

— Для тебя и любого, кто рядом.

Робаут рассмеялся и взял ещё один напиток у проходящего сервитора.

Он сделал большой глоток даммассина и произнёс. — Так о чём ты разговаривала с

полковником, когда я пришёл? Что-то о причинах, почему ты с отцом отправилась в это путешествие? И не говори мне, что из-за любви к исследованиям. Отчасти может и так, но я знаю, что дело не только в жажде странствий.

Неизменное слегка снисходительное выражение лица Линьи сменилось на серьёзное.

— Ты — проницателен, Робаут, — сказала она. — Хотя соглашусь, что мысль исследовать неизвестный космос по другую сторону Шрама Ореола привлекательна, ты прав — не она привела нас сюда.

— А что привело?

Она вздохнула, словно размышляла, как лучше ответить. — Насколько хорошо ты знаком с небесной механикой? Жизненными циклами звёзд и физическими основами их различных стадий существования?

Робаут пожал плечами. — Не слишком хорошо, — признался он. — Я знаю, что они — огромные шары газа с невероятно мощными ядерными реакциями в центре и что во время варп-прыжка лучше держаться от них как можно дальше.

— Этого вполне достаточно для большинства космических путешественников. Но внутри звезды происходит гораздо больше, и даже самый одарённый калькулюс-логи неспособен распутать их переплетённые реакции и влияние на магнитно-радиационные поля в ближайших хаотических системах.

— Понятия не имею, что всё это означает.

— Разумеется, но ты знаком с концепцией, что звёздному свету, который ты видишь, уже много веков?

— Да, знаком.

— Свет движется быстро, очень быстро, быстрее, чем что-либо ещё, что мы можем измерить в галактике, и представление, что мы когда-нибудь сможем построить космический корабль, который преодолеет световой барьер, смехотворно.

— Я слежу за твоей мыслью, но не забывай, что я не из Культа Механикус.

— Поверь мне, я помню. Я упрощаю насколько могу и не в обиду тебе, но это всё равно, что рассказывать о цветах слепому.

Робаут старался не обижаться на её нечаянное принижение его интеллекта, наконец, поняв,

что для Адептус Механикус с аугметированным разумом было типичным считать всех остальных идиотами с повреждённым мозгом.

— На орбитальных галереях Кватрии расположены макроскопы моего отца, и они являются одними из самых лучших приборов обнаружения в дальнем космосе во всём сегментуме. Они измеряют всё от уровня излучения, радиационного выхода, радиоволн и пульсовых волн до нейтронного потока, отклонения под воздействием силы тяжести и тысячи других элементов фонового шума галактики. Отец создал схему южной границы галактики почти пятьсот лет назад, изготовив настолько точную карту насколько это возможно. Она воистину произведение искусства, точностью плюс-минус один световой час. Если уменьшить её до карты улья, то она показывает каждую трещину на каждом надземном переходе.

— И так что привело тебя сюда?

— То, что звёзды на границе галактики изменились.

— Изменились?

— Ты должен понимать, что изменения, которые происходят в анатомии звезды, занимают непостижимо огромные периоды глубокого времени. Они протекают в масштабе, который невозможно увидеть.

— Тогда откуда ты знаешь, что они происходят?

— Потому что если мы не видим, как что-то происходит, из этого не следует вывод, что это не происходит, — снисходительно ответила Линья, словно обучала ребёнка базовым понятиям. Хотя, по сути, так и было. Особенности науки и техники были фактически неизвестны населению Империума. Что кажется почти снисходительно простым для члена Культа Механикус для остальных выглядит суеверием и мистикой.

— Мы не можем заметить вирусные взаимодействия невооружённым глазом, поэтому мы создаём аугметированную оптику. Также вокс-волны невидимы, но мы знаем, что они существуют, потому что Омниссия показал нам, как построить механизмы, которые способны передавать и принимать их. То же самое применимо и к звёздам и продолжительности их жизни. Никто не может прожить столько, чтобы увидеть всю постоянную энтропию их существования, поэтому мы изучаем сигналы тысяч разных звёзд, наблюдая различные стадии звёздных жизненных циклов. Когда мы изучали звёзды за Шрамом Ореола, то увидели, что уровень яркости и сигнатуры излучения совершенно изменились.

— Каким образом изменились?

— Если совсем просто, то они состарились на миллионы лет за несколько веков.

— И что-то мне подсказывает, что это ненормально?

Линья покачала головой. — Совершенно ненормально. Что-то произошло с этими звёздами и их жизненные циклы почти закончились. Возможно, некоторые из них уже превратились в сверхновые, потому что изменения, которые мы зафиксировали, постоянно увеличивались и уже успели устареть на несколько веков.

— Значит, ты не знаешь, что мы найдём, когда доберёмся туда?

— Можно и так сказать. Мы получим более точные данные, когда приблизимся. Сперанца” обладает невероятно точными комплексами топографов, поэтому я надеюсь к тому времени, как выйдем из варпа на галактической границе, получить намного более ясное представление о том, что нас ждёт.

— Ты надеешься?

— Шрам Ореола делает... трудными любые расчёты.

— Получается, ты видишь, как звёзды быстро стареют. И в чём же на твой взгляд причина?

— Не имею ни малейшего представления.

Убрали последнее блюдо, и обед быстро подошёл к концу, кадианцы не привыкли злоупотреблять приятными времяпрепровождениями, способными ослабить их строгие режимы тренировок. Теперь, когда Робаут изучал лица вокруг стола, оказалось, что остались только он и Эмиль, который явно переусердствовал с даммассином. Технопровидец Силквуд ушла ещё раньше с магосом Сайиксеком, хотя капитан почти не сомневался, что просто для того, чтобы поговорить о двигателях и внутреннем сгорании.

Адара нашёл общий язык с кадианцами, испытанные в боях гвардейцы легко распознали его врождённые способности к смертельным искусствам. Хотя у юноши забрали оружие, он показывал приёмы клинкового боя столовым ножом и несколько младших офицеров повторяли его движения.

Эмиль положил колоду карт на стол, принимая ставки у любого достаточно глупого заключать пари. Карты танцевали между его пальцами, словно жили собственной жизнью, и его ловкость производила на окружающих не меньшее впечатление, чем удача.

— Солдатам нравится держаться рядом с такими удачливыми типами, — сказал Робаут, заметив, что Линья наблюдает за умениями Эмиля.

— Кажется, мы установили, что такой вещи, как удача не существует, — ответила она.

— Солдатам нравится держаться рядом с такими удачливыми типами, — сказал Робаут, заметив, что Линья наблюдает за умениями Эмиля.

— Кажется, мы установили, что такой вещи, как удача не существует, — ответила она.

— Скажи это солдату и услышишь, что ошибаешься, — возразил Робаут, встав с довольным ворчанием. — У каждого из них найдётся талисман на удачу, удачный ритуал или удачная молитва. И знаешь, раз это помогает им, то кое-кому следует признать, что они не совсем неправы?

— Предвзятость подтверждения, но допускаю, что поле битвы — место, где огромное количество случайных величин в хаотической окружающей обстановке — плодородная арена для восприятия удачи.

— Никто не может говорить за других людей, — произнёс он, и в этот момент сервиторы распахнули величественные двери в приёмную и гости друг за другом потянулись к выходу.

Линья пожала плечами. — Я имею дело с фактами, действительностью и тем, что могу доказать основываясь на фактах.

— Это не лишает тебя красоты вещей? Разве полярное сияние не теряет волшебство, когда ты уменьшаешь его до света и радиации, которые проходят сквозь термоклиновые слои загрязнённой атмосферы? Разве великолепный заход солнца не становится простым ежедневным циклом вместо удивительной симфонии света и покоя?

— Наоборот, — сказала Линья, пока они отходили от обеденного стола. — Именно потому что я понимаю, как функционируют такие вещи, они и становятся волшебными. Искать и открывать тайны — это и есть конечная цель Адептус Механикус. Вот что для меня волшебство. И я использую слово волшебство в чисто поэтическом смысле, прежде чем ты начнёшь цепляться к нему.

— Я не посмел бы, — улыбнулся Робаут, когда они подошли к дверям, ведущим к эспланаде правого борта. Прозвенел колокол и Робаут понял, что прошло четыре часа с момента их прибытия.

— Сейчас позже, чем я думал, — сказал он.

— Точное время, как я и ожидала. Мои внутренние часы синхронизированы со “Сперанцей”, хотя у неё есть необычные идеи касательно релятивистского потока звёздного времени.

Робаут пожал плечами. — Поверю на слово, — сказал он, наблюдая, как тусклый свет играет на резных изгибах её скул. Он и раньше считал Линью привлекательной, но сейчас она выглядела прекрасной. Как он не замечал это? Робаут отдавал себе отчёт об алкоголе в организме, но

фильтр в искусственной печени уже рассеял большую часть.

— Ты очень красивая женщина, Линья Тихон. Ты знаешь это? — произнёс он, прежде чем понял, что делает.

Улыбка исчезла с её лица, и Робаут понял, что пересёк черту.

— Извини, — сказал он. — Это было глупо. Слишком много даммассина...

— С вашей стороны очень любезно сказать такое, капитан Сюркуф, но было бы неблагоразумно для вас питать какие-нибудь мысли о романтических отношениях со мной. Я вижу, что нравлюсь вам, но не могу ответить взаимностью.

— Откуда ты можешь знать, если не попробуешь? — возразил Робаут, понимая, что это безнадежно, но до конца не сдаваясь.

— Вам будет трудно понять.

— Я попытаюсь.

Она вздохнула. — Нервные пути моего мозга настолько сильно были изменены хирургической аугметикой, химической обработкой и когнитивным перераспределением, что процессы, происходящие в нём не приравнять к таким понятиям, как привязанность или любовь.

— Но ты же любишь своего отца, не так ли?

Она ответила не сразу. — Только в том смысле, что я благодарна ему за то, что он подарил мне жизнь, да, но это не любовь в вашем понимании. Мой разум не способен уменьшить комплексную асимметрию моего синоптического взаимодействия до чего-то столь...

— Человеческого?

— Иррационального, — поправила Линья. — Робаут, вы человек с богатой историей, немалая часть которой очень импонирует другим людям. Вы обладаете личной матрицей, и я уверена, что она делает вас интересным, но не для меня. Я вижу вас насквозь и знаю каждую грань вашей жизни, начиная с клеточного уровня до гоминидной архитектуры вашего мозга. Для меня ваша жизнь с самого рождения до этой минуты — открытая книга, и я могу обработать каждую её страницу за микросекунду. Вы развлекаете меня, но ни один неаугметированный человек не обладает достаточной сложностью, чтобы долго удерживать моё внимание.

Робаут слушал её слова с растущим чувством, что ступил на зыбкую почву. Он ошибся,

предположив, что раз Линья похожа на женщину, то она и является женщиной во всех отношениях. Она оказалась также далека от его сферы существования, как он от приручённого домашнего животного.

Это оказалось отрезвляюще, и он сказал. — Должно быть, это очень одинокое существование.

— Ровно наоборот. Я говорю эти вещи не для того, чтобы причинить вам боль, Робаут, а только чтобы уберечь от любого эмоционального расстройства, которое вы могли бы получить, неудачно пытаясь завоевать моё расположение.

Робаут поднял и руки сказал. — Согласен, я понял, расположение невозможно, а дружба? Это понятие, которое ты можешь... обработать? Мы можем быть друзьями?

Она улыbnулась. — Мне хотелось бы этого. А теперь с твоего позволения мне нужно проанализировать логические синтаксические компоненты загруженных данных.

— Тогда спокойной ночи, — сказал Робаут и протянул руку.

Линья приняла её, рукопожатие оказалось крепким и приятным.

— Спокойной ночи, Робаут, — ответила она, повернулась и направилась к помосту маглева.

Сзади показались Эмиль и Адара, покрасневшие от жирной пищи и выпитого даммассина. Адаре вернули нож, и он вращал его между пальцами, что казалось рискованным, учитывая сколько юноша выпил.

— И что это сейчас было? — спросил Эмиль.

— Как оказалось ничего, — ответил Робаут.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657128>